

УДК 1; 81

РОЛЬ ПОНЯТИЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

А. Ю. Моисеева

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ajumo@yandex.ru

Аннотация. В статье прослеживается одна из линий влияния аналитической философии языка на гуманитарные науки, в частности, на лингвистику – та линия, которая связана с рецепцией понятия перформативности и соответствующего взгляда на язык в исследованиях непрямой коммуникации. Сформулированное Дж. Остином различие иллокутивного и перлокутивного речевого акта применяется к случаю непрямой коммуникации, в результате чего делается вывод, что перформативные свойства языка могут проявляться не только в иллокуции, но и в перлокуции. Показывается, что многие примеры непрямой коммуникации функционируют подобно перформативам – для их обозначения вводится понятие непрямого перформатива – и могут описываться с точки зрения перформативного подхода.

Ключевые слова: непрямая коммуникация, перформативность, речевые игры, теория речевых актов.

Для цитаты: Моисеева, А. Ю. (2021). Роль понятия перформативности в контексте исследований непрямой коммуникации. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 1. С. 48-61 DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.48-61.

THE ROLE OF THE CONCEPT OF PERFORMATIVITY IN THE CONTEXT OF INDIRECT COMMUNICATION RESEARCH²

A. Yu. Moiseeva

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ajumo@yandex.ru

Abstract. The article traces one of the lines of influence of the analytic philosophy of language on the humanities, in particular, on linguistics – the line that is associated with the perception of the concept of performativity and the corresponding view of language in studies of indirect communication. The distinction between illocutionary and perlocutionary speech act formulated by J. Austin is applied to the case of indirect communication, as a result of which it is concluded that the performative properties of language can manifest themselves not only in illocution, but also in perlocution. It is shown that many examples of indirect communication function like performatives – the concept of an indirect performative is introduced to denote them – and can be described from the point of view of a performative approach.

Key words: indirect communication, performativity, language games, Speech Act theory.

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФ, грант «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории», № 18-78-10082.

² The study is funded by the Russian Science Foundation (RSF) (No. 18-78-10082 project ‘Analytic Philosophy and Modern Research in the Field of Social Theory’).

For citation: Moiseeva, A. Yu. (2021). The role of the concept of performativity in the context of indirect communication research. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no 1. pp. 48-61 DOI: 10.47850/RL.2021.2.1.48-61.

Одна из бесспорных заслуг того направления философии языка, которое связано с работами позднего Л. Витгенштейна, Дж. Остина, Дж. Серля и некоторых других³, состоит в привлечении внимания к такому свойству языка как *перформативность*. Осмысление перформативности языка и перформативов в языке действительно проходило сначала в рамках сугубо философской теории – в частности, теории речевых актов Дж. Остина, – однако очень скоро эта теория была воспринята и переосмыслена в контексте различных задач конкретных гуманитарных наук и, конечно, в первую очередь собственно лингвистики. Сегодня, наверное, немного найдется работ по лингвистической теории значения, в которых так или иначе не делались бы отсылки к понятиям локутивного и иллюкутивного акта и соответствующему различению между семантикой и прагматикой. Несколько менее востребованным до недавнего времени было понятие перлокуции – третьей, после локуции и иллюкуции, составляющей комплексного речевого акта. Перлокутивный акт часто просто выносился «за скобки» как сильно контекстно-зависимый и потому трудно анализируемый. Между тем, как будет показано ниже, это понятие также отвечает некоторым традиционным целям лингвистики, которые без него или совсем не могут быть достигнуты, или могут быть достигнуты менее прямым и верным путем. В целом, речь идет об имплицитном содержании речи. Мы увидим, что перформативность языка имеет свои проявления и в перлокуции; что перлокуция не всегда является простым следствием использования определенной языковой конструкции в определенной функции, а иногда сама конституирует эту функцию, преобразуя и преобразая весь смысл предприятия – в данном случае смысл комплексного речевого акта. Поэтому основной тезис настоящей статьи можно сформулировать так: возможности влияния философской концепции перформативности на лингвистику не сводятся к инспирированию исследования иллюкутивных формул и прагматических импликатур, а должны быть рассмотрены в более широком контексте. В итоге изучения данной темы мы увидим даже, что в этот контекст можно включать не только лингвистические теории, но и теории из области смежных гуманитарных наук.

Для начала необходимо пояснить, что именно понимается здесь под словом «перформативность». Если не вдаваться в детали, можно сказать, что в широком смысле перформативностью философы называют свойство языка само-генерироваться и само-поддерживаться в процессе своего использования [См., например: Борисов, 2009]. Хотя языковая деятельность, несомненно, является правилосообразной деятельностью, не следует полагать, что ее правила существуют в какой-то метаязыковой реальности, общий доступ к которой обеспечивает возможность взаимопонимания между говорящим и адресатом высказывания. Как показал Л. Витгенштейн, такое предположение было бы бессмысленным шагом, поскольку в этом случае для обеспечения одинакового «считывания» правил из этой

³ В частности, важный вклад в это направление был сделан работами по языковой прагматике П. Грайса, однако в данной статье тематика его работ затрагиваться не будет.

метаязыковой реальности потребовалась бы мета-метаязыковая реальность, и т. д. до бесконечности⁴. Использование языка и его понимание осуществляются на одном и том же уровне, фактически это один и тот же процесс, поэтому язык может быть адекватно понят только тем, кто сам включен в языковую практику. Нет никаких правил вне практики точно так же, как нет никакой практики без правил. Каждый факт использования языка одновременно и подчиняется правилам, и заново утверждает их, зачастую в несколько модифицированном виде; и в этом смысле мы говорим о языковой деятельности в целом как о перформативной. Заметим, однако, что такой широкий смысл слова «перформативность» является сугубо философской категорией и не характерен для работ собственно по лингвистике. Лингвисты обычно говорят о перформативности в более узком и строгом смысле, восходящем к работам Дж. Остина. В этом смысле под перформативностью понимается свойство уже не языка в целом, а отдельных высказываний – так называемых перформативов. Перформативность с этой точки зрения есть просто та совокупность свойств (как бы она ни определялась), по которой перформатив отличается от констатива.

Следует сразу оговориться, что, хотя в данной работе используются оба термина, «перформативность» и «перформатив», они используются по-разному. О перформативности здесь говорится именно в философском смысле, намеренно расширенном настолько, насколько это возможно. Цель такого расширения состоит в том, чтобы сформировать некоторый единый взгляд на различные явления языка, высветив в них общую структуру. Поскольку структура эта реализуется в каждом случае по-разному, и сформулировать какие-то строгие универсальные закономерности не представляется возможным, постольку такое словоупотребление должно рассматриваться исключительно как эвристическое и не претендующее на теоретическую значимость. Напротив, слово «перформатив» употребляется в ограничительном смысле, во всех существенных аспектах совпадающем с тем, который придавался ему Дж. Остином [см, например: Остин, 2006, с. 264-265], а тот расширительный смысл, в котором о перформативах говорил, например, Дж. Серль, не используется⁵. Точнее, можно сказать, что предметом статьи является один конкретный вариант расширения этого первоначального смысла, а именно его применение в исследованиях непрямой коммуникации. Мы полагаем и надеемся показать, что такое расширение правомерно и, более того, целесообразно.

⁴ Проблема следования правилу здесь выражена достаточно грубо, поскольку она не является предметом данной статьи. Более строгое и развернутое ее обсуждение см. в недавней панельной дискуссии по поводу статьи К. А. Родина «Проблема следования правилу и место Л. Витгенштейна в социологических исследованиях: возвращение к Питеру Уинчу» [Родин, 2020], где среди прочего затрагивается также и понятие перформативности.

⁵ С точки зрения Дж. Серля [Серль, 1986], обычные «повествовательные» высказывания, которые Дж. Остин называл констативами, являются одним из видов перформатива. Фактически точка зрения Серля состоит в том, что перформативом того или иного вида является любое высказывание, преследующее определенную коммуникативную цель. В этом смысле он, как представляется, следует витгенштейнианской линии перформативного понимания языка в целом. Что же касается самого Л. Витгенштейна, хотя в его работах концепция перформативности (которую он, впрочем, сам так не называл) уже в основных чертах оформилась, перформатив как отдельный функциональный элемент языка им, насколько известно, вообще не исследовался.

Итак, мы остановились на том, что язык как знаковая система характеризуется перформативностью, т.е. свойством устанавливать свои правила в самих фактах своего использования говорящими. Иными словами, язык, с одной стороны, указывает на реальность, с другой стороны, сам же изменяет ее. Из этой концепции логично, на наш взгляд, вытекает идея, что в различных примерах использования языка можно попытаться как-то отделить собственно производство высказывания как знака – произнесение последовательности слов, имеющей определенное значение – от того изменения реальности, которое производится посредством употребления этого знака в конкретном контексте. Конечно, попытка произвести такое отделение фактически, если бы мы ее предприняли, окончилась бы неудачей, поскольку у нас никогда нет двух отдельных фактов, один из которых был бы только передачей значения, а другой – только воздействием. У нас всегда есть единый, комплексный речевой акт. Однако мысленно из этого единого акта все же можно абстрагировать различные компоненты, и первая итерация такого абстрагирования даст нам *ЛОКУТИВНЫЙ* акт – тот компонент комплексного речевого акта, который является основным и практически единственным фокусом внимания семантических теорий, предшествующих появлению теории речевых актов. Именно свойства высказываний как локуций (их прямое и буквальное значение) делают возможным их использование говорящими для достижения тех или иных коммуникативных целей. Однако то, как может использоваться конкретное высказывание в конкретном случае, зависит не только от его значения, но и от контекста: от того, кто говорящий, кто адресат, какова ситуация его использования и какие конвенции приняты в данном культурно-языковом сообществе по поводу подобных высказываний. Например, слово «старуха» по отношению к молодой женщине может служить оскорблением (и будет, скорее всего, так воспринято), но только при условии, что оно произносится не в контексте субкультуры хиппи, поскольку это слово является обычным дружелюбным обращением к представительницам этой субкультуры любого возраста.

По-видимому, никогда нельзя в точности сказать, какой коммуникативный эффект вызовет высказывание, до того, как оно будет фактически произведено и воспринято адресатом, да и тогда, когда это случится, далеко не все его эффекты будут очевидными и бесспорными. Тем не менее некоторая часть эффектов является достаточно универсальной и предсказуемой в силу конвенций, и эту часть принято выделять в качестве второго компонента комплексного речевого акта – так называемого *иллокутивного*⁶ акта. Сказать, что некоторое высказывание обладает иллокутивной силой, означает сказать, что в данном культурно-языковом сообществе произнесение данных слов в соответствующем контексте считается осуществлением какого-то действия помимо собственно говорения. Именно открытие такого свойства у некоторых высказываний – в частности, у высказываний вида «Я обещаю, что ...», «Я подтверждаю, что ...», «Я приказываю, чтобы ...», «Я запрещаю, чтобы ...» и т. п. – вдохновило Дж. Остина на то, чтобы полностью переосмыслить предшествующий взгляд философов на язык и его отношения с миром. Результатом этого переосмысления стала концепция перформатива. Само название «перформативное высказывание»⁷ (или,

⁶ Лат. *il-* < in «в, внутри».

⁷ Англ. *perform* «исполнять, делать, осуществлять».

сокращенно, «перформатив»), согласно Дж. Остину, «указывает на то, что производство высказывания является осуществлением действия» [Остин, 1986, с. 27], что в высказываниях этого вида «*посредством* или *в ходе* произнесения слов мы что-то осуществляем» [Там же, с. 31]. Мы не станем здесь приводить все остиновское рассуждение о том, по каким критериям следует отличать перформативные высказывания от тех, которые перформативными не являются, поскольку в результате он так и не приходит к полностью определенному мнению на этот счет. Отметим лишь, что все высказывания, обладающие иллокутивной силой, являются тем самым перформативными.

Главное отличие перформативов от констативов (т. е. высказываний, которые исследовались философами языка до Дж. Остина) состоит в том, что если критерием оценки констатива является его истинность, то критерий оценки перформатива – его успешность. Перформатив как речевой акт должен обеспечить достижение той коммуникативной цели, для которой он предназначен: говоря «обещаю», человек должен *действительно* что-то пообещать, говоря «приказываю», приказать, и т. д. Для этого у высказывания должна быть, во-первых, правильная форма, во-вторых, правильный контекст. Так, мы можем пообещать только осуществления некоторого события в будущем, причем только такого, которое находится в нашей компетенции. Нельзя пообещать ни того, например, что Волга впадает в Каспийское море, ни того, что Луна завтра упадет на Землю. Всякий, кто попытался бы осуществить подобное действие, потерпел бы неудачу, поскольку его высказывание просто не было бы понято как обещание. У каждой иллокутивной формулы есть свои условия применимости, при нарушении которых формула становится «недействительной»⁸. С другой стороны, если акт все же был осуществлен, он накладывает некоторые условия на то, какой может быть окружающая реальность, чтобы согласоваться с ним. Эти условия имеют социальную природу – это правила поведения, обязательные для тех, кто считается компетентным участником коммуникации. Например, высказывание вида «Я обещаю, что сделаю то-то и то-то» является не просто сообщением о намерениях говорящего, оно является формой гарантии того, что эти намерения действительно осуществляются. Таковая гарантия дается говорящим добровольно и со знанием того, что в случае, если он все же не сделает обещанного, ему будет вменено в вину нарушение некоторого правила. Ясно, что в данном случае речь идет не о правиле языка в узком смысле этого слова – как правила фонетики или грамматики, – но о коммуникативном правиле, гласящем, что все обещания должны быть исполнены. Таким образом, перформативы – это речевые акты, способные трансформировать социальную реальность определенным, заранее известным образом.

Последним и наименее прозрачным для анализа компонентом комплексного речевого акта является *перлокутивный*⁹ акт. Грубо говоря, под перлокутивной силой высказывания понимаются те последствия, которые имеет его произнесение для конкретного адресата

⁸ Дж. Остин выделяет также другой вид перформативных неудач, при которых акт является «неискренним», т.е. лишь выглядит как осуществление соответствующих коммуникативных намерений, а на самом деле лицо, которое его предпринимает, таких намерений не имеет. В данной статье такие перформативные неудачи нас не интересуют.

⁹ Лат. per- «посредством».

в конкретных обстоятельствах. Однако ясно, что подобное определение не дает возможности однозначно разграничить иллокуцию и перлокуцию. Так, если вы мне пообещали сделать что-то для меня неприятное, я могу принять во внимание данное обещание, могу истолковать его как угрозу, могу разозлиться или испугаться из-за этого, могу решить не допустить осуществления обещанного и т. д. Все перечисленные эффекты являются более или менее стандартными реакциями на подобное обещание, и трудно сказать, где именно заканчиваются конвенциональные реакции и начинаются контекстно-обусловленные. Следует ли, например, истолкование вашего высказывания как угрозы из языковых конвенций или из характера наших конкретных обстоятельств? Если оно следует из языковых конвенций, то я смогу, скажем, доказать перед судом, что вы мне угрожали, просто предъявив запись разговора. В то же время очевидно, что некоторые реакции все же не следует считать конвенциональными. Так, можно в общем утверждать, что не то, каким образом вы использовали слова, а моя психическая конституция и мое состояние в момент разговора определяют, буду ли я из-за ваших слов испытывать злость или страх. Эмоции естественно считать неконвенциональными, поэтому даже если вы специально пытались вызвать во мне именно такую эмоцию, ее появление не будет свидетельством того, что я *правильно поняла* вас. Таким образом, вопрос о разграничении иллокутивного и перлокутивного актов является в сущности вопросом о границах правилосообразности.

Тем не менее есть основания полагать, что перлокутивные акты также подчиняются каким-то закономерностям, знание которых позволяет нам в большинстве случаев успешно предсказывать коммуникативные эффекты таких действий, например, как угрозы. Эти закономерности являются предметом изучения многих популярных в последнее время областей гуманитарного знания, в названии которых присутствуют слова «коммуникация» или «коммуникативный»¹⁰. Что касается лингвистики, то в ней эти закономерности наиболее существенны для исследований непрямой коммуникации – интереснейшей области, которая развивается отечественными учеными, по крайней мере, со времен М. М. Бахтина, а зарубежными – и того дольше¹¹. В настоящей статье наше внимание будет сконцентрировано на том, как в непрямой коммуникации проявляет себя перформативность языка и что философская теория перформативности может дать тем, кто изучает непрямую коммуникацию с позиции лингвистики.

¹⁰ О неопределенности значения этих слов см. [Филиппова, 2004]

¹¹ Так, отмечается [Бодрова-Гоженмос, 2002], что есть много общего между идеями М. М. Бахтина о диалогической природе текста и интерпретативной теорией перевода, которая ориентируется не на значение отдельных языковых единиц, а на смысл текста в целом, восстанавливаемый переводчиком как «коммуникативным партнером», с одной стороны, автора, с другой стороны, адресата. Ср. последнюю мысль с основной идеей, на которой строится исследование непрямой коммуникации – идеей, что содержанием, которое передается в процессе коммуникации, является не столько значение языковых единиц, сколько интенция говорящего (см. ниже). Характерно, что и М. М. Бахтин, и сторонники интерпретативной теории перевода много внимания в своих работах уделяют различным феноменам непрямого говорения и невербальным элементам коммуникативной ситуации, с помощью которых передается скрытое содержание.

Прежде всего дадим рабочее определение объекту нашего внимания. Под *непрямой коммуникацией* мы будем понимать речевое (и, в широком смысле, не только речевое) общение, при котором высказывание не может быть адекватным контексту образом понято исходя только из его значения и требует от адресата усилий по поиску дополнительных, нестандартных смыслов. Это определение не является, конечно, достаточно строгим для специального исследователя непрямой коммуникации, однако для наших целей оно вполне подойдет, особенно учитывая, что и специалисты не имеют единого устойчивого мнения о том, как изучаемое ими явление следует определять. Видный отечественный лингвист В. В. Дементьев в монографии, которая так и называется «Непрямая коммуникация» [Дементьев, 2006], выделяет три основных типа интенций, для реализации которых говорящему неизбежно приходится использовать средства непрямой коммуникации:

– фатические интенции – намерение обратить внимание адресата на сам факт произнесения языкового знака (например, с целью поддержать светскую беседу);

– поэтические интенции – намерение придать высказыванию художественно ценную, образную форму (не только в художественной литературе, но и в таких разговорных жанрах, как байка, шутка, анекдот и т. д.) и/или определенную стилистику (возвышенный либо сниженный стиль, диалект и просторечие);

– неопределенные интенции – намерение, которое до момента высказывания не ясно или не полностью ясно говорящему и раскрывается для него посредством самого высказывания, а также его коммуникативного эффекта (убедительные примеры можно почерпнуть из записи сеанса психоанализа или обычного разговора «по душам»).

Все эти интенции не могут быть реализованы в прямой коммуникации, поскольку в языке просто нет соответствующих выразительных средств. А нет их потому, что, во-первых, реализация подобных интенций состоит, строго говоря, не в передаче той или иной информации о мире, а в определенном воздействии на мир, и, во-вторых, требуемое воздействие не выполняет в общем случае важных социальных функций. В самом деле, светское общение, например, является частью многих социальных конструкторов и ритуалов, однако ни один из этих конструкторов и ритуалов не является необходимым для поддержания целостности общества. В отличие, скажем, от суда, который так или иначе отправляется в обществе постоянно просто потому, что без него невозможно обойтись (пока между людьми возникают конфликты интересов), «свет» как конкретная структура существует лишь ситуативно, постольку, поскольку в определенных обстоятельствах людям требуется подтвердить взаимную лояльность. И способы подтверждения этой лояльности гибко подстраиваются под ситуации, для которых они предназначены: светская беседа, скажем, попутчиков в поезде отличается от светской беседы пациентов, стоящих в очереди к врачу. Кроме того, существуют коммуникативные действия, интенция которых могла бы быть выражена прямо, но эффект от такой формы выражения препятствовал бы реализации самой этой интенции. Таково, например, оскорбление: если попытаться переформулировать оскорбительное высказывание в духе Дж. Остина, предварив его глаголом «оскорблять» в форме первого лица единственного числа настоящего времени, эффективность самого оскорбления будет значительно ниже, чем если высказать его «в лоб». Точно так же нет смысла

в прямом выражении интенций таких действий как инсинуация, подстрекательство, лесть, угроза и т. п., поскольку такое их выражение «подрывало бы нормальную иллокутивную цель обычного речевого акта» [Вендлер, 1985, с. 240]. В этом и состоит остиновский критерий противопоставления иллокутивных и перлокутивных актов: в перлокутивном акте говорящий реализует свою интенцию посредством использования некоторой причинно-следственной связи, а не посредством явной постановки определенной коммуникативной цели, поэтому им не соответствует никакая иллокутивная формула [Остин, 1986, с. 97].

Тем не менее можно утверждать, что зачастую при непрямой коммуникации высказывания «ведут себя» как перформативы, по крайней мере, в одном важном смысле. Воздействие, на которое они нацелены, является в значительной степени конституирующим для определенной сферы социальной жизни, и потому успешная реализация интенции в высказывании оказывается равнозначна вступлению в определенные социальные отношения. Однако, в отличие от обычных перформативов, маркирующих социальные отношения конвенционально, посредством своего иллокутивного значения, в непрямой коммуникации само по себе значение высказываний ничего не маркирует. Маркер, распознаваемый интуитивно, появляется при сопоставлении значения с тональностью высказывания, с контекстом или иными экстралингвистическими данными. При этом возникает некоторая неоднозначность, которая и используется для достижения нужного коммуникативного эффекта. Таким образом, перформативными свойствами в данном случае обладают даже не столько высказывания, сколько цельные коммуникативные действия. Такие действия в дальнейшем условимся называть *непрямыми перформативами*¹².

Здесь можно было бы возразить, что в отсутствии конвенциональной иллокутивной формулы мы вообще не должны говорить о перформативности. Чтобы заранее отвести это возможное возражение, мы обратимся к такому свойству обычных перформативов как способность налагать обязательства. Как было сказано выше, высказывания вида «Я обещаю, что ...», «Я подтверждаю, что ...», «Я приказываю, чтобы ...», «Я запрещаю, чтобы ...» и т. п. являются действиями, которые предполагают ответственность говорящего за осуществление их «не по правилам». В некоторых случаях и слушатель, если он понял, в чем именно заключается действие говорящего, вовлекается в сферу ответственности за выполнение коммуникативных правил. Так, если говорящий, будучи начальником, отдал приказ в установленной форме и по поводу той сферы деятельности, на которую распространяются его полномочия, а слушатель, будучи подчиненным, воспринял услышанное именно как приказ, адресованный ему, то он *обязан* выполнить этот приказ. Если же он приказ не выполнит, то будет повинен в нарушении трудовой дисциплины. Эта связь перформативов с обязательствами, а также с виной и ответственностью за их неисполнение постоянно подчеркивается Дж. Остином. Можно далее отметить, что при непрямой коммуникации тоже имеются некоторые основания для наложения обязательств, вменения вины и возложения

¹² В настоящей статье не ставится цель создания или развития какой-то научной (лингвистической или принадлежащей к другой области науки) теории, поэтому все понятия, которые вводятся здесь, в том числе и понятие непрямого перформатива, даются без строгих определений, лишь с содержательными пояснениями.

ответственности. Хотя эти основания не являются в чистом виде правилами, они производны от правил в соединении с некоторыми факторами контекста, которые по умолчанию предполагаются известными коммуникантам. Именно возможность имплицитной отсылки к некоторому общему контексту (социальному, культурному, эмоционально-оценочному и т. д.) делает язык настолько гибким и мощным инструментом, что мы можем использовать его подлинно перформативным образом, т.е. создавать с его помощью новые нормы для него же самого. Обращаясь к наследию Л. Витгенштейна, можно еще раз сказать, что никто не понимает правила языковой игры лучше, чем тот, кто включен в контекст самой этой игры, поскольку правила существуют именно там и только там. Поэтому введение понятия непрямого перформатива, предпринимаемое в данной статье, вполне соответствует духу философской концепции перформативности.

Чтобы продемонстрировать, что перформативный подход способен привести в исследование непрямой коммуникации, рассмотрим, например, флирт. В. В. Дементьев характеризует флирт как речевую игру с сексуальным содержанием, особенность которой состоит в том, что «флирт – жанр косвенный, не имеющий прямых средств осуществления и маркирования и тем самым оставляющий говорящему возможность сделать вид, что “ничего не было”» [Дементьев, 2006, с. 64]. Отсюда можно заключить, что интенция говорящего здесь сводится к тому, чтобы дать слушателю понять, что за эксплицитным содержанием (значением) его высказывания есть еще другое, имплицитное содержание сексуального характера. Средством реализации этой интенции служит придание речи специфического свойства несогласованности: сочетание определенно, иногда преувеличенно дружелюбной интонации с эмоционально нейтральным или даже грубым значением. Соответственно, если реакция слушателя соответствует имплицитному, а не эксплицитному содержанию (скажем, смех в ответ на поверхностную грубость), говорящий может заключить отсюда, что слушатель понял, какая игра ему предлагается, и согласен в эту игру вступить. Такое поведение можно рассматривать как своего рода обещание: посредством него коммуниканты сообщают друг другу, что при благоприятном развитии игры в ее конце сексуальный интерес к партнеру можно будет выказать явно, и это будет воспринято партнером с благосклонностью. Если же что-то пойдет не так, то любой из партнеров может в любой момент «отступить на исходные позиции». Поскольку сексуальное поведение в человеческом обществе является предметом большой эмоциональной и этической значимости, подобные игры можно считать полезным приспособлением, позволяющим партнерам избегать многих неловких и травмирующих ситуаций друг с другом и с окружающими. Тем не менее они, как и любые другие игры, предполагают некоторые обязательства. Это можно понять хотя бы по тому, что подобные игры могут быть поводом для общественного порицания, например, если мужчина флиртует со всеми женщинами подряд. В данном случае источником обязательств служит, по-видимому, следующее предположение: если ты флиртуешь с кем-то, то твой партнер с большой вероятностью подумает, что является предпочтительным объектом интереса, а не просто одним из многих; если же ты одновременно флиртуешь со многими, твое поведение

вводит их в заблуждение. Это предположение не является коммуникативным правилом, оно принадлежит контексту, но контексту настолько широкому, что знакомство с ним может по умолчанию предполагаться для каждого взрослого человека (по крайней мере, принадлежащего к одной из европейских культур). Таким образом, флирт как речевая игра может быть обоснованно причислен к непрямым перформативам.

Стоит отметить в этой связи, что многие исследователи называют несогласованность, неправильность, аномальность речи характерными признаками наличия в ней имплицитного содержания, иначе говоря, признаками непрямой коммуникации [См., например: Булыгина и Шмелев, 1997, с. 457; Санников, 1999, с. 420]. При этом аномальность может присутствовать на любом уровне языка – фонетическом, морфологическом, лексическом или синтаксическом – или между любыми двумя из этих уровней. Например, аномальность лексики, как известно даже далеким от лингвистики людям, зачастую служит средством создания особых стилистических эффектов (вспомним хотя бы «командирскую заруку» В. Пелевина), но в той же роли выступают иногда и грамматические аномалии (так, одним из персонажей в цикле романов М. Семеновой о Волкодаве является Нелетучий Мыш). «Обычно считается, что только грамматически правильное предложение может быть подвергнуто интерпретации с точки зрения семантической правильности [...]. Однако стилистически маркированными могут быть как правильные, так и неправильные языковые конструкции, при этом в последнем случае источником непрямой коммуникации (стилистических, фатических, художественных смыслов) могут быть как лексические, так и грамматические отклонения от нормы» [Дементьев, 2006, с. 27]. Особенно интересная, с точки зрения нашей темы, возможность «конструктивного» функционирования аномалий в непрямой коммуникации – это использование перформативных противоречий в качестве средства передачи скрытого фатического содержания. Пример подобного использования, взятый из Жижика, приводится у В. Ю. Кузнецова: «Достаточно вспомнить основной прием “учебных пьес” Брехта начала тридцатых годов, в которых действующие лица сопровождали “парадоксальными” комментариями свои собственные действия. Актер появлялся на сцене и произносил: “Я капиталист; моя цель — эксплуатация трудящихся. Сейчас я попытаюсь убедить одного из моих рабочих в правоте буржуазной идеологии, оправдывающей эксплуатацию ...” Затем он подходил к рабочему и делал именно то, о чем заявлял перед этим. Разве подобные действия – комментарий актера своих поступков с “объективной”, метаязыковой позиции – не показывают предельно четко, самым конкретным способом абсолютную невозможность этой метаязыковой позиции?»¹³ [Цит. по: Кузнецов, 2009, с. 142]. И далее сам В. Ю. Кузнецов

¹³ Строго говоря, формального перформативного противоречия, т.е. наличия двух противоположно направленных иллокутивных сил, здесь нет. Метаязыковая позиция, о которой говорит автор, является невозможной только тогда, когда принимается во внимание контекст – в данном случае, по-видимому, тот факт, что, во-первых, эксплуатация естественно воспринимается людьми как зло, во-вторых, атрибутировать себе злые намерения в человеческом обществе не принято. Поэтому, возможно, по аналогии с непрямыми перформативами здесь имеет смысл говорить о непрямом перформативном противоречии. Однако ничего не мешает предположить, что и обычное перформативное противоречие может быть использовано для реализации аналогичной фатической интенции.

резюмирует: «Таким образом, неординарные высказывания, немислимые с обыденной точки зрения, оказываются удобным средством для выполнения перформативного жеста указывания на то, на что прямо указать или нельзя, или хотя теоретически и можно, но безрезультатно» [Там же].

Подводя черту под нашим кратким экскурсом в теорию непрямой коммуникации, можно утверждать, что во многих случаях с помощью понятия перформативности хорошо описывается не только иллокутивная, но и перлокутивная сила высказывания. Отличие состоит в том, что при исследовании перлокутива мы имеем дело с непрямой перформативностью, а значит, у нас нет явной нормы для истолкования значения коммуникативного акта. Однако у нас есть правила речевой игры, выраженные в самой этой игре – в том, как в нее играют люди. Говоря словами Л. Витгенштейна, язык «сам себя показывает» в непрямой коммуникации так же, как и в любой другой. Поэтому, будучи последовательными, мы не должны считать отсутствие явных норм истолкования препятствием для того, чтобы считать определенную речевую деятельность перформативной. (Однако стоит еще раз повторить, что перформативный подход в данном случае выступает исключительно как эвристика, способная дать интересный материал для последующей разработки.)

При этом, как ясно из последнего примера, перформативные речевые игры можно исследовать не только с позиции лингвистики. Хорошо известно, что перформативный подход оказался очень плодотворен в контексте гендерных исследований; можно ожидать, что он будет результативным и в других областях психологии. С другой стороны, он имеет широкую применимость при исследовании специфических дискурсов искусства, в первую очередь, конечно, в театроведении. В целом, перформативность как философский концепт сыграла и продолжает играть огромную роль в формировании методов современных гуманитарных наук. Что касается именно исследований непрямой коммуникации, думается, потенциал перформативного подхода в этом контексте еще не полностью проявил себя. Лингвистика обладает достаточно богатым арсеналом средств, пригодных для анализа имплицитного содержания высказываний, чтобы можно было надеяться ухватить хотя бы в основных чертах структуру отдельных речевых игр, относящихся к непрямой коммуникации. И поскольку многие из этих игр являются перформативными, можно ожидать, что в них будут присутствовать речевые действия, как-то (видимо, по-разному) трансформирующие социальную реальность. Как и при каких условиях это делается – вот вопросы, на которые в этом случае должна будет ответить лингвистическая теория перформативности. Поэтому есть основания предполагать, что какой-то аналог нашего понятия непрямого перформатива, достаточно строгий для этого, может в будущем стать полноценным рабочим инструментом для лингвистов, занимающихся непрямой коммуникацией.

Конечно, не все примеры непрямой коммуникации можно с уверенностью причислить к непрямым перформативам¹⁴. Но нам и не нужно объяснять *всю* непрямую коммуникацию

¹⁴ Та же поэтическая речь не демонстрирует, по крайней мере, очевидных перформативных свойств. Хотя поэтическую интенцию можно истолковать как перформативную – в том смысле, что поэт стремится создать некоторую художественную форму, и сама эта форма является главным сообщением, ради которого он

через понятие перформативности. Мы уже увидели, что значительная ее часть является перформативной, и этого вполне достаточно для подкрепления выдвинутого в начале тезиса. Таким образом, задачу, которой посвящена настоящая статья, можно считать выполненной. Тем не менее, как представляется, тема перформативности языка в контексте исследований непрямой коммуникации имеет еще множество интересных с философской точки зрения аспектов, которые достойны отдельного внимания. Поэтому ее изучение планируется продолжить в будущем, придав при этом большую строгость тем способам рассуждения, которые используются в настоящей статье. В первую очередь требуется проверить на соответствующем материале корректность терминологии и при необходимости рассмотреть возможности ее модификации, а также провести систематическое исследование работ лингвистов, занимающихся непрямой коммуникацией, на предмет того, насколько широко употребляются ими отсылки к философской концепции перформативности и как именно эта концепция у них представлена.

Список литературы / References

Бодрова-Гоженмос, Т. (2002). Концепция М. М. Бахтина и интерпретативная теория перевода. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* № 1(3). С. 72-79.

Bodrova-Gogenmos, T. (2002). The Conception of M. M. Bakhtin and Interpretive Translation Theory. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* no. 1(3). pp. 72-79. (In Russ.)

Борисов, Е. В. (2009). Прагматическая теория значения у Витгенштейна и Хайдеггера. *Вестник Томского государственного университета.* № 320. С. 38-44.

Borisov, E. V. (2009). Pragmatical Theory of Meaning in Wittgenstein and Heidegger. *Tomsk State University Journal.* no. 320. pp. 38-44. (In Russ.)

Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. (1997). *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Языки славянской культуры.

Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Linguistic Conceptualization of the World (Based on the Material of Russian Grammar)*. Moscow. (In Russ.)

Вендлер, З. (1985). Иллокутивное самоубийство. *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 16. М.: Прогресс. С. 238-250.

предпринимает коммуникативный акт, – это истолкование не выглядит особенно естественным. Кажется, что между созданием художественной формы и созданием социального отношения есть существенная разница, и назвать то и другое перформативным актом не обязательно означает прояснить что-то в их общей структуре. В любом случае этот вопрос требует дополнительного отдельного исследования.

Vendler, Z. (1985). Illocutionary Suicide. In *New in Foreign Linguistics*. Issue 16. Moscow. pp. 238-250. (In Russ.)

Дементьев, В. В. (2006). *Непрямая коммуникация*. М.: Гнозис.

Demytyev, V. V. (2006). *Indirect Communication*. Moscow. (In Russ.)

Кузнецов, В. Ю. (2009). Перформативность и уровни коммуникации. *Логос*. № 2(70). С. 136-150.

Kuznetsov, V. Yu. (2009). Performativity and Levels of Communication. *Logos*. no. 2(70). pp. 136-150. (In Russ.)

Остин, Д. (2006). *Три способа пролить чернила: Философские работы*. СПб.: Изд-во «Алетейя», Изд-во С.-Петербур. ун-та.

Austin, J. (2006). *Three Ways of Spilling Ink: Philosophical Papers*. St. Petersburg. (In Russ.)

Остин, Дж. Л. (1986). Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. М.: Прогресс. С. 22-129.

Austin, J. L. (1986). Word as an Action. In *New in Foreign Linguistics*. Issue 17. Moscow. pp. 22-129. (In Russ.)

Родин, К. А. (2020). Проблема следования правилу и место Л. Витгенштейна в социологических исследованиях: возвращение к Питеру Уинчу. *Эпистемология и философия науки*. № 3(57). С. 23-33. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057336>.

Rodin, K. A. (2020). The Rule-Following Problem and Wittgenstein's Place in Sociology Studies: A Return to Peter Winch. *Epistemology & Philosophy of Science*. no. 3(57). pp. 23-33. (In Russ.)

Серль, Дж. Р. (1986). Классификация иллокутивных актов. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. М.: Прогресс. С. 170-198.

Searle, J. R. (1986). A Classification of Illocutionary Acts. In *New in Foreign Linguistics*. Issue 17. Moscow. pp. 170-198. (In Russ.)

Санников, В. З. (1999). *Русский язык в зеркале языковой игры*. М.: Языки славянской культуры.

Sannikov, V. Z. (1999). *Russian Language in the Mirror of a Language Game*. Moscow. (In Russ.)

Филиппова, М. М. (2004). Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса. *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей*. Вып. 28. М.: МАКС Пресс. С. 75-90.

Filippova, M. M. (2004). Indirect Communication and Means of Creating Ambiguous Discourse. In *Language, consciousness, communication: Collection of articles*. Issue 28. Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Моисеева Анна Юрьевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: ajumo@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1440-9598>.

Статья поступила в редакцию: 01.02.2021

После доработки: 20.02.2021

Принята к публикации: 25.02.2021

Moiseeva Anna – Candidate of Philosophical Sciences, Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: ajumo@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1440-9598>.

The paper was submitted: 01.02.2021

Received after reworking: 20.02.2021

Accepted for publication: 25.02.2021